

В. Т. ВАНЮШЕЧКИН (Елец)

К ВОПРОСУ О ФИННО-УГОРСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ЛЕКСИКЕ МЕЩЕРСКИХ ГОВОРОВ

Мещерский край с его обширным пространством в центре русской равнины издавна привлекал внимание историков, археологов, этнографов, лингвистов. Вопросы по проблематике мещеры затрагивались в работах В. А. Городцова, А. И. Черепнина, Б. А. Куфтина, А. А. Шахматова, А. Л. Монгайта, Е. Ф. Будде и других.

Историки и археологи приводят много доказательств того, что древние мещера и мурома были объединениями финно-угорских племен с рядом самобытных черт. Признавая близкое родство мордвы, мещеры и мурома, большинство исследователей не склонно отождествлять мещеру и мурому с мордовскими племенами. Предполагается также, что мещера как самостоятельная этническая группа исчезла раньше, чем мурома. Определенно установить, к какому племени мещера была ближе, не удастся лишь потому, что исследователи не располагают данными языка мещеры.

По утверждению некоторых ученых, треугольник в изгибе Оки с древним Мещерским городцом (ныне г. Касимов) следует признать первоначальной территорией Мещеры.¹ Указать на отличительные языковые особенности говоров этой территории и является основной целью данной работы.

Материалом для исследования послужила лексика современных говоров по р. Курше Спас-Клепиковского (бывш. Тумского) района Рязанской области. Поскольку на территории рязанской Мещеры, включая этот район, было смешанное население, в том числе неславянское, тщательное изучение лексического состава обнаруживает иноязычный элемент.

При рассмотрении лексики мещерско-рязанских говоров в сравнительно-историческом аспекте нельзя не отметить известные трудности, так как этот край еще не имеет своего областного (регионального) словаря. Единственным наиболее доступным источником по лексике говоров мещерского края является словарь говора д. Деулино (к западу от г. Касимова) Рязанского района Рязанской области.² Направление и характер данной статьи определили содержание этого словаря и личные наблюдения автора.

¹ П. Н. Черменский, *Материалы по исторической географии Мещеры*. — *Археографический ежегодник*. 1960, Москва 1962, стр. 44.

² *Словарь современного русского народного говора*. [Под ред. И. А. Оссовецкого], Москва 1969.

Словарный состав обследованных говоров мещерского края имеет специфические черты. Из исторических пластов диалектной лексики следует выделить архаический слой лексики не славянского, а иноязычного в своей основе происхождения. Речь идет прежде всего о тех словах (апеллятивах), которые в подавляющем большинстве не зафиксированы ни в словаре Даля, ни в областных словарях по севернорусским и южнорусским говорам. Условно эту лексику можно назвать куршинско-мещерско-рязанской (курш.-мещ.-ряз.). По фонетическому облику и смысловому значению такие диалектизмы близки к названиям финно-угорских языков волжской группы. Представляется возможной следующая классификация лексических параллелей.

1. Случаи, когда близость в семантике сопровождается полным совпадением в фонетическом составе диалектизма и сходной лексемой в мордовских или марийском языках: ³ курш. *пéша* 'палка, кторой мешают дрова при выжигании угля': *пéша нужнá вырашыт' драва́, када́ ан'и гар'ят* (д. Акулово), морд. *пеш* 'приспособление для прикрепления лучины'.

Курш. *чйчка* 'ячмень на глазу' сходно в материальном и семантическом отношении с финно-угорскими; его можно отнести к финно-угорскому источнику, ср. эрз. *пинень чечей*, мокш. *пинень шича, пинень шяче, пинень шячи, пинень кча* 'ячмень на глазу'; но ср. также тат. *чэчэк* 'оспа';

курш. микротопоним *Кáльное* (болото), ср. мокш. *кальная* 'ивняк, заросли ивняка'.

2. Случаи, представляющие собой сближения в семантике с частичным расхождением в фонетическом составе диалектизма и соответствующей лексемы в мордовских или марийских языках:

курш. *кул'юкша* 'игра в прятки': *да в'ецыра р'аб'аты с'о х кул'юкшу играл'и* (д. Андроново), в других говорах *кулюкать, кулочка, гулюкать, гуличка* (В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, Москва 1955), эрз. *кулямо* 'игра в горелки';

курш. *цереми́ка* [цыр'им'и́ка] 'дети многосемейных родителей; мелочь, всякая всячина, ненужные вещи': *у нйх пыцытáй: ат'ец, мат' ды цыр'им'и́к'и с'ем' дйш, — вот кóлка их* (д. Андроново) ср. эрз. *цёра* 'мужчина; сын, парень', *цёрам* 'мой сын', мокш. *цёра* 'сын, парень';

курш. *коржáвый* 'заскорузлый, грязный; покрытый коростой, струпами'; *коржáветь* 'делаться грязным, грубеть' (В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск 1914, стр. 344), марГ *каргыж* 'кора, корка', *карика* 'пересоший';

курш. *мутáшиться* 'терять ориентир, плутать; сбиваться с толку, теряться' (Даль), ср. мар. *мутаяш* 'заблудиться; сбиться, сбиваться с пути';

мещ. *мужева́ть* 'думать, раздумывать; соображать, толковать, обсуждать здраво, как должно мужу' (Даль), мар. *мужанче* 'ворожея, гадалка';

курш. *шошкúята* 'озорные дети', мар. *шошчо-кушишо* 'потомок, наследник';

курш. *каварга́сить* 'вносить неразбериху', мокш. *ковардомс* 'повалить, подмять под себя'.

3. Лексические параллели с незначительным расхождением в семантике, но имеющие совпадение в фонетическом составе в начальной или корневой части апеллятива:

³ Автор использовал следующие словари: Эрзянско-русский словарь, Москва 1949; Мокшанско-русский словарь, Москва 1949; Марийско-русский словарь, Москва 1956.

курш. *каламáс* 'недопеченый хлеб'; *н'и хл'еп, а кыламáс рыва л'óнай* (с. Малахово), эрз. *калалемс* 'разваливаться';

курш. *басейка* 'знахарка', ср. *басюха* 'лекарка, бабка, шептунья' (Даль), эрз. *басиця* 'беседующий; красноречивый';

курш. *расты́ркать* 'быстро раздать, растаскать', эрз. *таргамс* 'вытащить';

курш. *гурнѳчить* 'лепетать (о ребенке)', ср. эрз. *гурнемс* 'урчать';

курш. *алям* — о хорошем настроении, поступке: *ны н'аб ал'ам найэхал: за д'ин' фсе драва́ мок н'иркало́т'* (с. Малахово), морд. *аля* 'молодец';

курш. *космы́рить* (*касмы́р'ит'*) 'слегка обтесывать бревна', эрз. *касмо* 'пробор';

курш. *купыря́ться* 'кувыркаться, падать'; ср. *копырять, копырнуть*, пск., твр. 'столкнуть, ссадить с места' (Даль), морд. *купорь* 'холм', мокш. *купорьгадомс* 'сделаться бугристым', ср. удм. *купырес* 'согнутый'.⁴

курш. *потя́ться* 'выйти из бедности', *пóтин* 'богач, помещик', эрз. *потьме́жа* 'сочный'.

Из лексических параллелей явствует, что в пределах рязанской Мещеры славяно-мордовские связи были достаточно сильными. Этимологическая близость значительной части словарных единиц обусловлена межъязыковыми контактами в рамках указанной территории. Кроме того, приводимые сравнительные данные позволяют отчасти говорить о лексемах и их морфологических компонентах как о реликтовых элементах мещерского субстрата.

пеша, петкиль, помеченное в словаре Даля как рязанское и возводимое некоторыми лингвистами к эрз. *петькель*, мокш. *петьколь*; *пест* и морд. *пешкс* (со словообразовательным суффиксом *-кс*) 'пест' восходит к какому-то одному и тому же очень древнему, возможно, финно-угорскому корню. На бытование слова *пеш, пеши* (мн. ч.) 'колья, служащие для закрепления бревен в ноде' в говорах северного Урала указывает А. К. Матвеев;⁵ несмотря на различие значений, исследователь не без основания считает возможным сопоставить его с коми *пеша* 'светец', которое далее сопоставляется с морд. *pešks*, фин. *pihti*.⁶

В этимологическом словаре М. Фасмера отражена далеко не вся диалектная лексика финно-угорского происхождения, на что в свое время указывал Б. А. Серебренников.⁷ С полным основанием можно полагать, что среди перечисленных выше диалектных лексем, отсутствующих в областнических словарях и в словаре М. Фасмера, есть слова, принадлежность которых к финно-угорским языкам волжской группы не вызывает сомнений.

Так, диалектный апеллатив *цереми́ка* [*цыр'им'й́ка*] 'дети многосемейных родителей', распространенный в говорах русского населения Мещеры, поддается объяснению только на почве эрзянского языка, ср. *цёрам* 'мой сын'. Аффиксальный элемент *-ик*, с помощью которого образована лексема, является, по-видимому, исконно русским. Указанный словообразовательный формант с оттенком собирательности встречается во многих других генетически более прозрачных областных наи-

⁴ См. В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 49.

⁵ А. К. Матвеев, Финно-угорские заимствования в русских говорах северного Урала, Свердловск 1959, стр. 33—34.

⁶ Ср. В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 137.

⁷ Б. А. Серебренников, О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера». — Лексикографический сборник V, Москва 1962, стр. 35.

менованиях. Ср., например, в тех же говорах *меліка* 'мелочь, мелкий картофель', *пресніка* — вид древесины, *резіка* — сорт травы и т. п.⁸

Излишнюю осторожность допускает М. Фасмер в отношении слова *коржавый* 'сухой, сморщенный, жесткий', *коржаветь* 'делаться грязным, грубеть' (ср. В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, стр. 344). Отмечая производный характер этой лексемы от слова *корж* 'вид лепешки, испеченной на сале', он отклоняет попытку объяснить его из финно-угорских языков по географическим соображениям.⁹ Однако мар. *каржика* 'пересохший', *каргыж* 'кора, корка' и мещ.-ряз. *коржавый* (*каржавай*) 'заскорузлый, затвердевший, загрубелый' открывают прямой путь к объяснению данной лексемы.

К финно-угорскому источнику, очевидно, восходит курш. *пáхтанье* (*пáхтынйя*) 'жидкость, остающаяся при сбивании масла; пахта': *мы пáхтынйя скат'уйн'и вьл'ивайам, анó скўсныя, в н'ом бл'остк'и мáсла пыпадайут* (д. Андронов); ср. *пахтанье* (без указания на территорию распространения) 'творожистая сыворотка, остающаяся от сливок и сметаны' (Даль).

А. К. Матвеев регистрирует слово *пахта* в говорах северного Урала со значением 'рассыпчатый снег'.¹⁰ Исследователи указывают на этимологическую связь с фин. *paksu* 'густой', *pahtaa* 'сгущать'. О возможности заимствования из фин. *pyöhtää* 'пахтать, сбивать масло' говорит М. Фасмер.¹¹

Курш. *гундэть* 'выражать недовольство, ворчать' сходно с *гуендеть* 'выть, голосить, громко плакать' (Г. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия, Санкт-Петербург 1898, стр. 17) и сближается с кар. *huijenda* (ср. фин. *huikata* 'вопить, громко кричать').¹²

Отметим далее, что словами финно-угорского происхождения следует признать некоторые микротопонимы и микродронимы куршинско-мещерского края. Сюда относится, например, диалектное название сенокосного угодья, расположенного близ речки *Ушор* (*ўшэр*); ср. коми-зыр. *шор* 'ручей, весенний ручеек, талая вода', удм. *шор* 'ручей' (КЭСК, стр. 322), *Ушор* означает 'у ручья'. В обследованных говорах такая словообразовательная модель подтверждается другими микротопонимами с исконно русской основой: *Заполе* — название лесного массива за полевым участком, *Заречина* — сенокосное угодье за рекой. Сходным по структуре является русский топоним *Умерча* — старое название дер. Борисково в куршинском крае. В поместном приказе 1646—1647 гг. читаем: «В волости Курше . . . деревня Умерча борисовская тож на суходеле а в ней крестьян Яшка . . . с Бориском . . . да Петр». ¹³ Если учесть, что в русских говорах *мереча* 'болото' (В. Н. Добровольский, указ. раб., стр. 96), то внутренняя форма слова ясна: *умерча* букв. 'у болота'.¹⁴ Аналогичен по образованию топоним *Уречное* — название деревни, расположенной на берегу р. Нармы. В свою очередь гидроним *Нарма*, как утверждает А. И. Попов¹⁵, финно-угорского происхождения.

⁸ См. В. Т. Ванюшечкин, Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры, 1972 (рукоп.).

⁹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1967, стр. 326.

¹⁰ А. К. Матвеев, указ. раб., стр. 33.

¹¹ М. Фасмер, указ. раб. III, Москва 1971, стр. 322.

¹² См. А. Л. Погодин, Севернорусские словарные заимствования из финского языка. — Варшавские университетские известия, Варшава 1904, стр. 14.

¹³ Подлинная переписная книга посадских дворов города Переяславля Рязанского, поместных и вотчинных сел (Поместный приказ) 7154—7155 (1646—1647), Центральный государственный архив древних актов, ф. 1209, кн. 414, ч. 2, стр. 822.

¹⁴ Такое объяснение согласуется с особенностями рельефа данной местности.

¹⁵ А. И. Попов, Исследование по исторической географии и топонимике Восточной Европы, Ленинград 1945, (канд. дисс., рукоп.), стр. 53.

Эрз. *нармунь*, мокш. *нармонь* 'птица', а в русской огласовке *нарма* (по-видимому, в результате действия исторического закона открытых слогов).

Исторический анализ свидетельствует о том, что в русском облике с финно-угорским корневым элементом обнаруживается известная специфика, определяющая структуру диалектного наименования. Здесь можно установить ряд общих закономерностей, обусловленных своеобразием мещерских говоров.

Немаловажную роль в образовании диалектных наименований выполняют собственно русские аффиксальные формативы. Присоединяясь к иноязычному корню и составляя вместе с ним лексико-грамматическую единицу, они обычно повторяют существующую в диалекте словообразовательную модель. Основные способы образования таких областных слов сходны с процессом словообразования в литературном языке. Так, в наших материалах выделяется группа суффиксальных дериватов, например: мещ. *купыряться* 'кувыркаться' и морд. *купорь* 'холм'. Из приставочных образований назовем курш. *растыркаць* 'раздать, растаскать' и эрз. *таргамс* 'вытащить'. Эрзя-мордовское название послужило основой для образования мещерско-рязанского диалектизма. Правда, в русской огласовке следовало бы ожидать *растыргать*. В данном случае оглушение велярного звука в соседстве с сонорным объясняется его особым положением в безударном слого. В рязанских говорах наблюдаются аналогичные факты спорадического варьирования задненёбных: ср., например, курш. *шыргать* ~ *шыркаць* 'колотить, стучать', *сувлагá* ~ *сóвлаки* 'волокуша для бороны' и т. п.

В процессе освоения иноязычного составного компонента меняется и лексическое значение новообразования. Слово или приобретает дополнительный смысловой оттенок, близкий к языку-источнику, или же становится носителем нового грамматического значения (ср. курш. *цере-мйка* (собирательное) и эрз. *цёрам*).

Процесс обновления и трансформации нерусских лексем, как правило, сопровождается известной долей их конкретизации и сужения семантического объема.

Что же касается менее заметного круга мещерско-рязанских слов, по значению и фонетическому составу полностью совпадающих с лексемами в финно-угорских языках (мещ. *кулáга* 'род тюрн из муки' и мокш. *кулáга* 'соложеное тесто'; мещ. *недóтка* 'рыболовная сеть' и мокш. *недóтка* 'невод' и т. д.), их следует рассматривать как заимствования целостных наименований в пределах двух языков. Источником для такого заимствования послужил русский язык, поскольку ареал распространения данных слов не ограничивается территорией мещерских говоров. Ср., например, мещ. *кулáга*, укр. *кулага*, южн.-вел.-рус. *куляга* (О. Н. Трубачев, *Slavia* 29, Москва 1960, стр. 1 и сл.), донск. *кулага* (см. А. Миртов, *Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских говоров*, Ростов-на-Дону 1929, стр. 133) и т. д.

Сравнительные данные свидетельствуют также о воздействии на мордовские языки и русские говоры рязанщины тюркоязычных лексических основ. Так, курш. *каваргáсить* 'вносить неразбериху' следует сопоставить с *кавардак* 'беспорядок, неразбериха' и тат. *кабару* 'взъершиться, топорщиться (о волосах)'; курш. *црево*, *цревище* 'шум, уличная гульба; собачий вой, вытье волков' (*Опыт областного великорусского словаря*, Санктпетербург 1852, стр. 290), мар. *урем* 'улица', *уремысе* 'уличный', мокш. *урнямс* 'вопить, плакать в голос' генетически восходит к тюркскому источнику.

Курш. *ковыл* (*кавыл*) 'трава по суходолу (*Nardus stricta*)' сохраняет фонетический и семантический облик тюркизма. Ср. осм. *ковылык*

'гладко вышелушенный, т. е. очищенный от листьев', *ковалик* 'род тростника', эрз. *кавал тикше*. Происхождение этой лексемы К. Менгес¹⁶ связывает с формами, существующими в алтайских языках.

Курш. этноним *култучáта* < *Култуки* — название деревни у истоков р. Курши из тур., узб. *култук* 'залив, угол'. Ср. в русских говорах *култук* 'глухое колено реки, дороги; глухой рукав или залив в озере; угол, кут, мешок, тупик' (Даль) и т. п.

Курш. микротопоним *Чíвор* — лощина с водоемом в бассейне р. Нармы — соотносится с *чвор* 'озеро с истоком; озеро, имеющее рукав (приток воды) от реки', которое известно в северных районах Томской области и считается заимствованным из чулымско-татарского языка.¹⁷

В заключение отметим, что решение подобных вопросов во многом зависит от степени изученности словарного состава мещерских и смежных с ними русских говоров. Изложенный нами далеко не полный материал свидетельствует о том, что влияние, которое оказали на русские говоры Мещеры финно-угорские, а также тюркские языки, заслуживает более пристального рассмотрения.

¹⁶ К. Н. Menges, The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor Tale. — Word 7 1951, Supplement. Monograph No. 1.

¹⁷ С. И. Ольгович, Заимствования в лексической системе сибирских старожильческих говоров. — Ученые записки Красноярского пединститута, 25, вып. 3, Красноярск 1963, стр. 76.

V. T. VANJUSEČKIN (Jelec)

FINNOUGRISCHE ELEMENTE IM WORTSCHATZ DER MESCHTSCHERISCHEN MUNDARTEN

Aus lexikalischen Parallelen geht hervor, daß im Rjasaner Gebiet der Meschtscheren die slawisch-mordwinischen Beziehungen ziemlich eng waren. Die etymologische Nähe eines großen Teils der lexikalischen Einheiten ist durch die Kontakte zwischen den Sprachen in den Grenzen des genannten Territoriums bedingt. Außerdem gestatten die hier angeführten vergleichenden Angaben es, zum Teil von den Lexemen und ihren morphologischen Elementen als von Reliktelelementen des meschtscherischen Substrats zu sprechen.

Die historische Analyse bezeugt auch den Einfluß der türkischen Wortstämme auf die mordwinischen Sprachen und die russischen Mundarten des Rjasaner Gebiets.